

К 85-летию Сатимжана Санбаева

Видный казахский писатель и общественный деятель Сатимжан Камзиевич Санбаев родился 16 сентября 1939 года в поселке Макат Атырауской области в семье выдающегося казахского педагога-просветителя Хамзы Санбаева. Окончил Макатскую русскую среднюю школу и Оренбургский сельскохозяйственный институт, работал главным инженером совхоза, инженером-конструктором на Павлодарском тракторном заводе, инженером-механиком на Балхашском горно-металлургическом комбинате. Первые повести «И вечный бой» и «Белая аруана», принесшие автору широкую известность, были напечатаны в журнале «Простор» в 1968 году. С. Санбаев – автор сборников повестей «Белая аруана», «Колодцы знойных долин», тетралогии «Времена года нашей жизни» (романы «Еще одно лето», «Таких дождей здесь не бывало», «Лист, скользящий по снегу», «Весной нас зачарует голос»), дилогии «Медный колосс». Сценарист художественных фильмов «Там, где горы белые» (1972), «Дом у соленого озера» (2004), ряда документальных лент. Сыграл главные роли в фильмах «Дорога в 1000 верст» (1967), «Необычный день» (1972), «Чокан Валиханов» (1984), «Батыр Баян» (1992). Произведения писателя издавались во многих зарубежных странах. Им переведены на русский язык книга Абая «Гаклия», произведения классиков казахской литературы, осуществлено прозаическое переложение казахских эпосов «Кобланды батыр», «Алпамыс батыр», «Козы Корпеш и Баян Сулу», «Кыз Жибек».



Сатимжан САНБАЕВ

БЕЛАЯ АРУАНА¹

На седьмой день он исчез. Старик думал, что он привык уже к новым местам, и перестал было за ним приглядывать. Да и всю эту неделю верблюжонок ни разу не отбивался от стада. Но сегодня, когда верблюды возвратились с пастбища, его среди них не было. Старик забеспокоился, тут же обошел соседние аулы, расспрашивая знакомых пастухов. Посетил он аул Байги-тюбе на другом конце Макаата, заглянул даже в кое-какие дворы, хозяев которых недолюбливал, и вернулся домой в полночь, усталый и огорченный. Никто не видал белого верблюжонка.

Утром старик отправился в степь. Вышел рано, еще матово серебрились ненаслезенные росные травы, когда чист и недвижим воздух и видно далеко. Он ходил целый день, поднимаясь на высокие холмы и обходя солончаковые озера; внимательно осмотрел подходы к трясинам. Вернулся он вечером, напрямик пройдя верст двенадцать по железной дороге, но уже с другой стороны поселка. Потом подождал за аулом возвращения других стад, надеясь, что верблюжонок окажется среди них. Но верблюжонка не было.

¹ Одногорбая верблюдица лучшей породы.

Старик посетовал на то, что аул не имеет своего пастуха, хотя верблюдов у них гораздо больше, чем у других. «Конечно, сейчас все живут в достатке, – размышлял он, – но почему никто не может позволить себе быть пастухом? Какой-то недружный народ в нашем ауле...» Потом он вспомнил о волках. И сразу же подумал, что белый верблюжонок – видный издали и неопытный – стал легкой добычей. Старик провел целый день на рыхлых островах солончаковых озер Сагиза, рассматривая обглоданные зверьем кости. Они сплошь покрывали острова, но были все старые, выбеленные солнцем и дождем; ничто не указывало на присутствие волков. Но старик сник при виде этой ужасной картины.

Он нашел верблюжонка на четвертый день поисков в одном из аулов близ Кульсары, верстах в ста с лишним от Макаата. Верблюжонок, без сомнения, направлялся в Мангыстау, на свою родину. Старик так обрадовался находке, что сразу же повернул домой, позабыв заглянуть к дочери Макпал, что жила в Кульсары. «Глупый, – думал он, оглядывая длинноногого худого верблюжонка, тихо шагавшего за конем. – Твоей матери ведь нет, и тебя, быть может, подарили мне, чтобы не слышать твоего плача. Разве я согласился бы взять тебя, если бы она жила?.. Глупый...» А верблюжонок послушно переставлял длинные прямые ноги и изредка, когда старик заговаривал вслух или кашлял, поднимал на него огромные, черные с поволокой печальные глаза и устало вздыхал...

Теперь верблюжонок уходил на пастбища, привязанный к шее инген – двугорбой верблюдицы соседа Сагингали. Мырзагали отвязывал его по вечерам, поил, заводил в маленький, наскоро сколоченный загон и, положив руку ему на горбик, подолгу разговаривал. Верблюжонок вел себя смирно, казалось, он привык к его рукам и тонкому ласковому голосу. Он спокойно жевал жвачку и молча слушал Мырзагали. Старик заметил, что верблюжонок ни разу еще не ложился при нем, всегда ждал, когда он уйдет.

Всю осень верблюжонок пасся с двугорбой. Все стали замечать, что верблюжонок ходит, высоко поднимая ноги и ставя их на землю аккуратно, как будто боится оступиться или споткнуться. Может быть, однажды это и случилось, когда верблюды бежали, а двугорбая волочила его и била по кочкам? Никогда в этом ауле не было пастуха, и верблюды уходили в степь и возвращались сами.

Пришла зима, и верблюжонка уже больше не привязывали к двугорбой. Он заметно изменился. Ноги стали еще длинней, и казалось, что верблюжонок весь осыпан чистым пушистым снежком. Старику поначалу льстили восхищенные взгляды людей, обращенные на его любимца, но потом он спохватился, накинул на верблюжонка рваную грязную попону, чтобы уберечь от дурного глаза.

– Повезло тебе, Мырзеке, – сказал однажды сосед Шолак. Каждое утро старики выходили к верблюдам, давали им сена, поили, убирали навоз и снег. Их дворы имели общую ограду. – Превратится твой верблюжонок через два года в настоящую аруану, и молока в доме будет вдоволь. Я бы обеих инген² отдал за такого... Не сейчас, конечно...

– Нехорошие слова говоришь, – холодно ответил Мырзагали, чувствуя неприкрытую зависть в его речах. – Твои две инген приносят приплод по очереди, и жене не приходится обивать чужие пороги в поисках молока...

– Я просто рад, Мырзеке, – перебил его Шолак. – Давно надо бы... давно... Недаром же говорят: «Без скотины двор пуст, без детей дом пуст...»

Сосед довольно рассмеялся, а глаза его так и не отрывались от белого верблюжонка. Были они давними соседями, и в молодости, правда, недолго, но дружили. Оба до войны работали на нефтепромысле и считались лучшими бурильщиками. Мырзагали женился первым, перед самой войной, и Асима оста-

² Взрослая верблюдица.

лась беременной, когда он уехал. Она писала часто, и он узнавал по письмам, что Шолак тоже получил повестку и уехал, что родилась дочь, и она дала ей имя Макпал, что всё труднее живется в Макате. После ранения он долго не отвечал ей, да и письма от Асимы стали редкостью, а когда его перебросили к японской границе, они перестали приходить вовсе.

Он вернулся в сорок шестом, пролежав в госпитале после контузии: дочке шел пятый год, и она была вылитый отец. Среди гостей, заполнивших в тот вечер дом, сидел и старый его приятель Шолак – безрукий, расплывшийся. Он отвоевал в первый же год войны, работал с тех пор агентом по сбору шерсти, и, видать, дела его шли неплохо. Вел он себя шумно, развязно, шутил по любому поводу и громко смеялся, и примолк, смешался тогда только, когда Мырзагали долго и в упор посмотрел на него. И гости замолчали, ожидая, что он скажет. Но он ничего не сказал и ничего не сделал, хотя было видно, что ему тяжело. И людям стало неловко, словно это они виноваты в том, что его жена в конце войны сошлась с Шолаком. А через несколько дней Мырзагали устроился на свою прежнюю работу на промысле...

Теперь он был пенсионером. Мырзагали усмехнулся, вспомнив, как в последние годы ему не давала покоя мысль о том, что надо как-то обзавестись хозяйством. Каждое воскресенье он посещал базар, приценивался к верблюдкам, коровам или овцам, но так и не купил ничего. Потом он стал разъезжать по родственникам в другие аулы и поселки. Этим летом Мырзагали гостил у дочери Макпал, затем по новой железной дороге Макпал – Шевченко прокатился к далеким родичам в Мангыстау. Оттуда и привез он белого верблюжонка на попутных машинах строителей. Летом невыносимая жара в Мангыстау, и везти верблюжонка было нелегко. Целую неделю разбитыми пыльными дорогами – от колодца к колодцу – добирались они в Макат.

Мырзагали продел руку в дыру попоны, пощупал маленький горбик верблюжонка. Походив по двору, Шолак зашел в дом, и Мырзагали тихо выругался ему вслед. Потом подумал, что Макпал, наверное, обрадовалась, услышав о верблюжонке. И старуха, и дочь давно хотели чего-то такого, стоящего в хозяйстве, а он держал только собаку Джульбарса, считая скотину обузой. А оказалось всё наоборот. Он как-то незаметно для себя привязался к верблюжонку и теперь целыми днями возился около него.

И этой зимой выпало мало снега. Мороз чередовался с оттепелью, нередко шли дожди, и солончаковая почва Маката, пропитываясь водой, превращалась в липкую грязь. В такие дни поселок надолго окутывало туманом. Малоснежная зима, как всегда, незаметно перешла в весну. Верблюды первыми потянулись в степь; теперь их ничто не смогло удержать в поселке. Мырзагали скинул с верблюжонка попоны и пошел на пастбище вместе с ним. Верблюжонок его за зиму вырос в рослого красивого тайлака³ – белого с ног до головы, с длинными ногами, длинной шеей и огромными, обрамленными густыми ресницами черными глазами. И Мырзагали очень скоро вновь напялил на него попоны.

Прошло несколько дней, и земля зазеленела, принарядилась. Тайлак, как и все верблюды, наедаясь досыта и быстро креп. Мырзагали уже не ходил в степь, а только провожал своего любимца за околицу и вечером выходил навстречу.

Однажды у водопоя Шолак неожиданно спросил его:

– Ты знаешь, Мырзагали, почему твой тайлак держится в стаде особняком?

– И правда, – удивился он наблюдательности Шолака и прищурил глаза. –

В самом деле, почему?

³ Верблюжонок по второму году.

– Гордый, – ответил тот, внимательно осматривая тайлака. – Намучаешься ты с ним, Мырзеке. Ты еще не знаешь, какие они – аруана...

– Не пугай, – отрезал Мырзагали. Он держал ведро с водой на весу перед тайлаком и поил с рук. – Он уже привык ко мне.

– Хорошо, если так, – улыбнулся Шолак, направляясь к водопроводной колонке. – А молока будет давать много. Видишь, как змеится хвост? Настоящий шалкуйрук...⁴

– У тебя одно на уме, Шолак, – презрительно скривил губы Мырзагали и сплюнул в лужу.

Шолак весь подобрался, бросил из-за плеча быстрый, злой взгляд на него, и Мырзагали удовлетворенно отвернулся. Заполнив оба ведра водой, он направился в аул. Тайлак, озоруя, понесся вперед, будоража и увлекая за собой собак.

Старик шел и думал, что не показывал свою ненависть нигде и никому. В тот год, когда он вернулся с войны, Макпал было пять лет, она знала лишь мать. Он не мог забрать её от матери, не мог и оставить. Многие в Макате осуждали его за то, что он остался с неверной женой, что не выгнал её из дому или не ушел сам. Но никто из них не знал, что у него после ранения никогда больше не будет детей.

Макпал выросла красивой, и Шолаку очень хотелось женить на ней старшего сына. У Шолака росли три сына, но Макпал не дружила с ними. И Мырзагали был этому рад. Он выругал Асиму, когда она завела разговор о возможных сватах... «Надо бы съездить к Макпал, – забеспокоился он вдруг, и глаза его повлажнели. – Скучает, наверное, по дому. – Он опустил ведро на землю и стал вспоминать, когда в последний раз ездил к дочери. Вышло, целых двенадцать дней назад. – Что, если завтра и поеду? Внука повидаю...»

Через несколько минут старик уже давал сено тайлаку. Потом запер калитку и зашагал в дом, торопясь сообщить старухе свое решение. Из Кульсары Мырзагали вернулся расстроенным. Всё началось с того, что Макпал и её муж – молодой инженер – жили в ссоре, а ребенок болел. Он не стал разбираться, кто из них виновен, а поругал обоих и уехал, даже не заночевав. На вокзале не выдержал, перед отправлением поезда зашел в буфет, выпил. И пошло. В поезде поругался с проводницей, они нагрубили друг другу, и он перешел в соседний вагон. Там попутчики оказались людьми неразговорчивыми, вдобавок всю дорогу гремело радио. Три версты пути от вокзала до аула его не успокоили. Шел и думал, что с тех пор, как вышел на пенсию, его раздражает любая мелочь, потом им овладели тяжелые мысли, что сложилась его жизнь не так, как надо бы. Он вспомнил, что бывали минуты, когда он пытался уйти из жизни... Пытался, но не смог. И никто, кроме старухи, которая прожила с ним эту долгую и скучную жизнь, не знала о его боли.

Наступил вечер, когда он подходил к дому. По привычке завернул к загону, заглянул и не увидел тайлака. Он поспешил домой. Увидел старуху, шедшую ему навстречу, и еще издали сердитым фальцетом закричал:

– Где тайлак? Почему не в загоне?

– Пропал он. Я искала.

– Как пропал? – Что-то подтолкнуло Мырзагали. Лицо его перекошилось, он подскочил к Асиме и, размахнувшись, ударил её по щеке. – Недоглядела, старая!

– Ты... очумел?.. – Старуха взвизгнула от неожиданности. Из глаз её брызнули слезы. Она схватилась за лицо и, оглянувшись со стыда вокруг, побежала в дом.

⁴ Седохвостый.

А Мырзагали, непонятно зачем, размахивая руками и подпрыгивая, уже мчался к Шолаку, вышедшему на крыльцо своего дома.

– Успокойся, Мырзеке. Найдешь, куда он денется? – заговорил он громко и торопливо, будто пытаешься остановить его.

Мырзагали, почти добежав, увидел, что правой рукой тот прижимает к груди маленького внука, а левый – наполовину пустой – рукав рубашки судорожно дергается. Он приостановился в нерешительности.

– Сагингали говорил, что видел его вчера под Сагизом, – продолжал Шолак.

– Наверное, опять потянуло на родину.

– Угроздило же меня уехать, – выдавил Мырзагали, подходя к Шолаку.

– Верхом догонишь. Куда он денется.

– Угроздило же...

– Ты что, выпил?.. – Шолак, видимо, совсем успокоился.

– А-а-а, – махнул рукой Мырзагали, поворачивая к своему дому. Но пошел к пустому загону с аккуратной копной сена в углу, что осталась после зимы. Постоял у калитки, потом пошел вдоль загона, чувствуя усталость и страшную пустоту вокруг. Он не знал, когда теперь это исчезнет, раньше в такие минуты он уезжал к дочери. Медленно он побрел по улице, направляясь к дому Сагингали – попросить лошадь.

Он нашел тайлака на другой день далеко за Кульсары. Тайлак шел, держа курс прямо на Мангыстау, и, когда увидел всадника, побежал. Мырзагали пришпорил коня, крикнул: «Э-э-эй!» – и в его крике было больше обиды, чем радости. Вороной пошел вскачь. Но через некоторое время Мырзагали заметил, что тайлак бежит легко и быстро, вытянув длинную шею и высоко поднимая ноги, и конь нисколько не приближается к нему. Прошел час, другой... Вороной дышал тяжело, жилы на мокрой шее его взбухли от напряжения. Он считался скакуном, брал призы на скачках – байгах, но расстояние между ним и тайлаком почти не сокращалось.

До вечера они перемахнули еще несколько холмов и маленькую речку – приток Жема. Ночью прошли высохшие озера Жалпак – место бугристое и дикое.

На этих буграх, на частых подъемах и спусках тайлак начал сдавать. К утру он бежал тяжело, спотыкаясь о кочки и падая на колени. Потом перешел на шаг. Конь догнал его, когда взошло солнце; тайлак шел, весь темный от пота, шатаясь на длинных ослабевших ногах, но шел и не оглядывался. Мырзагали поравнялся с ним и, нагнувшись, схватил за поводок. Усталый конь остановился сам. И тайлак впервые закричал. Он закричал тонко и жалобно, и старик вздрогнул от этого душераздирающего крика и задергал поводок, чтобы сбить плач. Но тайлак не унимался. И Мырзагали спрыгнул на землю, обнял его за шею и тоже заплакал.

Старик слег и несколько дней не вставал на ноги. Он не любил обращаться к врачам, и стоило Асиме заикнуться об этом, как он вскипел, накричал на нее. Но врач всё же пришел, расспросил, послушал его.

– Вот, от поясницы... плохо чувствую, – закричал Мырзагали. – Контузия ли сказывается с возрастом, или простыл на коне. Всё кажется, что нет ног. Ощупываю их, они холодные.

Старуха расплакалась от его слов. Она выглядела моложе и намного крепче Мырзагали. Плечи её были прямы, и не горбилась она так, как старик. Широко расставленные большие карие глаза на круглом, прорезанном паутинкой мелких морщинок, но еще не поблекшем лице, прямой некрупный нос и полные губы, – она и сейчас оставалась привлекательной. От старика, моложе которого она была всего на год, её отличала и медлительность: она, казалось, задумывалась над каждым своим движением, шагом. За этой медлительностью и не уходящей

красотой чувствовалась сила, та женская безудержная сила, с которой бог знает, как она справлялась. И Мырзагали, видевший всё это, жестоко мучился, то впадая в отчаяние, то снова выбираясь из пропасти.

Слова врача воспринимались машинально, старик смотрел, как Асима слушала его, кивая головой и вытирая слезы. Она никогда не плакала раньше при старике, может быть, боялась рассердить его, но сейчас не выдержала. Врач ушел, пообещав выхлопотать старику путевку на грязелечение, а старик лежал, раздумывая о чем-то и не двигаясь.

– Перестань плакать, – буркнул он вдруг. – Я так скоро не помру.

– Да кто этого хочет?

Старик молча отвернулся к стене. Отвернулся, проклиная себя. Она когда-то изменила ему, но это могло случиться и позже, после того как он вернулся домой не мужчиной. Этого не случилось. Не ушел он из дому, не ушла от него Асима. Но прошли годы, и он знал теперь, что не прав, ибо жизнь держится не на одном долге. И если он знает это, то почему бы не подумать о спокойствии, которого так не хватает их семье? Неужели он никогда не пересилит себя?.. Он лежал долго, прижавшись лбом к прохладной саманной стене, и изредка по привычке покашливал.

Асима как будто уже успокоилась. Хлопотала у очага, гремела посудой. Приготовив грелку – небольшой мешочек с горячим песком – она положила её старику на ноги и села рядом. Старик молчал. Она посидела немного, потом поставила чайник и пошла в магазин.

После отъезда Мырзагали на лечение за тайлаком стала ухаживать старуха. Она выводила его за поселок и путала ему ноги крепкой веревкой. Ей не хотелось оставлять дом пустым, и она не бродила с тайлаком по степи, как это делал Мырзагали. Поблизости травы не было, и тайлак плелся в степь, далеко отставая от верблюдов. Ноги его были в ссадинах, он не наедался на скудной, истоптанной траве, а идти дальше ему было тяжело. Старики ворчали, недовольные тем, что тайлак там мучается, но сними пути, отпусти его со стадом – он опять убежит на родину. Асима старалась облегчить страдания тайлака. Она купила копен двадцать полныни, наняла машину в автобазе и перевезла сено домой. Потом ей удалось купить с рук мешков десять овса. И задолго до холодов, еще в самом начале осени, она поставила тайлака в загон – стала откармливать.

Когда Мырзагали вернулся домой из Гурьева, он не поверил своим глазам. В загоне вместо тайлака стояла высокая верблюдица с быстрыми, несколько беспокойными движениями. Он удивился этому резкому изменению, происшедшему за какие-нибудь четыре месяца, и внимательно смотрел на верблюдицу, обещавшую стать в скором времени сильной и властной. Ела и пила она несравненно больше. Мырзагали взялся за свои обязанности и снова удивился, когда повел её на водопой. Она шла впереди него, натягивая поводок и нервничая, словно гончая, которую не пускают на свежий след. Он подумал, что верблюдица сильно хочет пить, и прибавил шагу, но с водопоя она пошла точно так же. Прошла неделя, и верблюдица стала рваться к каждому верблюду, появлявшемуся на улице, перестала есть. Только тогда старик понял причину такого поведения своей любимицы.

Бура был только в соседнем ауле, по ту сторону шоссе. Мырзагали сходил к его владельцу – старику Кокайдаю, договорился и, не мешкая, повел верблюдицу. Она вела себя странно, шла неохотно, шумно обнюхивая зимний воздух. Услышав рокочущий голос буры, остановилась и вдруг резко отпрянула назад. Старик чуть не растянулся на снегу, в сердцах замахнулся камчой, протянул её по горбу. Но верблюдица уперлась и не пошла дальше, как ни кричал и ни тя-

нул её старик. Он подумал, что может порвать её ноздри мурундуком, привязал к чужой ограде и вернулся за ней с Кокайдаем – крупным рыжебородым стариком.

Приземистый, обросший густой темной шерстью, с высокими двумя горбами, бура заметался, когда верблюдица вошла во двор. Он был прикован цепью к столбу, и столб угрожающе заскрипел от его могучих рывков.

Она долго не ложилась. Глаза её вылезли из орбит, она дико кричала, будто её привели не к самцу, который был нужен ей, а к волку. Она легла лишь тогда, когда Кокайдай стал бить её кнутовищем по ногам. Мырзагали стоял в стороне. Верблюдица коснулась животом снега и тут же вскочила на ноги, но Кокайдай положил её снова и обмотал ноги веревкой. Она забилась, порываясь встать, когда увидела буру, спешившего к ней. Веревка глубоко впилась в её тело, но она словно не чувствовала боли. Потом она долго не смогла встать. Домой плелась молча, и Мырзагали, знающий, что теперь надо быть с ней очень осторожным, семенил перед ней, выбирая тропу поровнее. Но верблюдица не понесла. Старик водил её к буре еще раза четыре, и каждый раз она рвалась назад, мучилась и возвращалась домой словно побитая. Одногорбого самца в аулах не было, и верблюдица осталась порожней.

Весной Мырзагали попросил Сагингали, выезжающего каждый год на лето к колодцам Шенгельды, забрать с собой верблюда. За лето в Шенгельды верблюдица набралась сил. Особых хлопот она не доставляла. Она быстро отбилась от стада, к колодцам на водопой приходила сама и, напившись студеной воды, тут же уходила обратно на пастбище. Сагингали присматривал за ней со стороны, проверяя иногда пути на ногах.

Зимы Мырзагали ждал с тревогой. Он долго советовался со старухой, с соседями, потому что боялся, что верблюдица снова останется без приплода, а если от верблюдицы нет молока, то какой от нее прок? Охотников купить аруану в поселке находилось немало, но продать её Мырзагали не решался. Старик собрался было с верблюдицей в Кульсары, где в ауле Камысколь был лек – одногорбый самец, но старуха наотрез отказалась пустить его зимой так далеко.

– Заболеешь, свалишься опять, – заупрямилась она. – Хватит с ней мучиться.

– Каких-то сто верст, – доказывал ей старик, – нечего бояться! Выберу ясную погоду, а?

– Продай лучше. Не доглядим – убежит.

– Всё лето не убегала.

– Останется порожней.

– А может, понесет?

– Как в ту зиму? – тихо улынулась Асима. – Можно подумать, что ты всю жизнь держал верблюдиц.

– Ну, ладно, хватит! – не выдержал Мырзагали, проходя к выходу. Обернулся у двери: – Не понимаю, почему ты не любишь её? Продать всегда успеем.

Асима промолчала. Но о Кульсары старик больше не заикался. Верблюдица не привязалась к Мырзагали и Асима, сколько они ни ухаживали за ней. Белая верблюдица, казалось, вообще не любила людей. Иногда завидев, что Мырзагали хлопочет в загоне, к нему захаживали старики. При них верблюдица стояла неподвижно, пока кто-нибудь не подходил к ней вплотную и не отскакивал укушенным. Движение верблюдицы было неуловимым, словно у змеи. Даже Джульбарс – известный забияка – спасовал перед ней после первой же встречи. По-хозяйски заскочил он однажды в загон, подошел к верблюдице и тут же от удара её ноги отлетел, ударился о калитку. Скуля, выскочил наружу. Мырзагали только цокнул языком и отправился снова к Кокайдаю. Но повторилась прошлогодняя история. Старик напрасно сводил её два раза к буре и потом махнул рукой.

– Видно, не судьба нам иметь хозяйство, – сказал он старухе. И когда старуха неожиданно заступилась за верблюдицу и воспротивилась её продаже, молча пожал плечами, словно говоря: «Продать-то придется всё равно. Не сегодня, так завтра...»

На следующей неделе белая верблюдица опять лежала во дворе Кокайдая. Ноги её были туго обмотаны веревкой, и голова намертво прикреплена к столбу. Она вздрагивала от каждого шороха и тихо, испуганно стонала, словно предчувствуя недоброе.

Кокайдай и Шолак вышли из сарая, подошли к ней и, переговариваясь, склонились над её головой. Тускло блеснул нож. И тотчас же дикий захлебывающийся рев захлестнул аул, прокатился по степи. Испуганно подскочили, залились тревожным лаем собаки.

Вздрогнула Асима, сидевшая в доме Кокайдая за чаем, поставила блюдце на поднос и что-то быстро зашептала, оставившись на дверь. Услышь Мырзагали этот жуткий рев – не миновать бы беды, но он находился сейчас за сто верст, в поселке Кульсары: гостил у дочери. В комнате было жарко. Дородная, смуглолицая старуха Кокайдая, обжигаясь, шумно цедила чай. Она, видно, давно привыкла к таким вещам. Еще раз взметнулся рев, полный безысходной боли и отчаяния, перешел в долгий, жалобный плач.

– Скоро закончат. Наверное, пустили буру, – заметила старуха после того, как верблюдица смолкла. – Ты не торопись, пей чай.

Асима не ответила и не притронулась больше к чашке. Распахнулась дверь, и в клубах морозного пара вошел Кокайдай.

– Ну вот, жди через год верблюжонка, – забасил он, обращаясь к Асиме.

Сорвал с гвоздя полотенце, вытер мокрые красные руки.

– Говорил же я – надо перерезать жилки глаз. Мырзеке разве согласится? Упадет в обморок... А шубат ему нужен, вон как высох – кожа да кости...

– Дай бог! – подала голос его старуха. – Доброе дело. Как можно без детеныша?

– Надо в таких случаях выбивать из головы дурь. Это же шалкуйрук – у нее тоска по родине, да найди ей одногорбого... Боль в глазах – вот что нужно! За болью она не разберет: бура это или лек...

– Скажи, как одногорбые не терпят боли! – удивился Шолак, вошедший только что. Кокайдай выбрал его сегодня в помощники. – Я не знал раньше. А приплод должен быть хорошим у нее.

– Ты прав, – согласился Кокайдай.

Они прошли на торь – в красный угол, сели за чай. Асима, словно в тумане, поблагодарила их, торопливо накинула на плечи пальто и вышла.

Верблюдица стояла у столба и билась в частой неудержимой дрожи. Она как будто уменьшилась за это утро, постарела; шерсть на ней свалаялась, запачкалась. Постанывая, она слабо мотала окровавленной головой, глаза были плотно зажмурены, и с длинных ресниц часто-часто падали красные горошины. Бура – уже привязанный – топтался в дальнем углу двора, роняя пену изо рта.

Несмело, чувствуя, как её пробирает озноб, приблизилась Асима к верблюдице. Не думала она, что так мучительно перенесет верблюдица перерезание жилок глаз. Иногда в аулах делали это двугорбым верблюдицам, но они так не страдали, потом лишь глаза слезились всё время. Приедет Мырзагали, узнает обо всем, что она ответит ему? Ведь он и слышать не хотел об этом. Разбушуете старик, заболит... Неизведанное смешанное чувство гадливости и стыда охватило Асиму. Верблюдица шла за ней безучастно, словно в другом мире, не разбирая дороги. Из глаз её всё катились и катились кровавые слезы.

Несколько теплых дней прогрели землю, и на холмах показалась трава. В середине апреля прошел сильный дождь, и степь зазеленела, засверкала цветами. Поплыл над землей воздух, настоящий на весеннем многоцветье. Облачками забелели юрты, разбрелись по необъятному жайлау стада овец и верблюдов. Смутный, непрерывный, волнующий шум весенней жизни не смолкал ни днем, ни ночью. Мало в поселке в эту пору старых людей – все в степи. Остаются те, у кого нет юрт, как у Мырзагали, или нет скота.

Тяжело рожала одnogорбая верблюдица, ослепла на оба поврежденных глаза. Хорошо приняла двугорбого верблюжонка, хотя не видела его, научилась ходить за ним. И теперь светло-серый верблюжонок водил её на пастбище, благо трав весной вдоволь и вблизи, и приводил вечером домой. У Мырзагали хватало забот с белой аруаной. То и дело выбегал он за околицу посмотреть, не случилось ли чего, сторожил у железной дороги, через которую проходили верблюды, отгонял от верблюжонка мальчишек, желавших побаловаться, побегать за ним.

Маленькой семье хватало молока, которое старуха надаивала ночью, на время привязав верблюжонка. Да, неспроста завидовал Шолак своему соседу: молока аруана давала много, и верблюжонок рос на глазах.

В конце мая пожелтели, выгорели травы, и верблюдица потянулась на дальние пастбища. Часами смотрел Мырзагали, как тихо идет аруана за своим двугорбым верблюжонком, высоко поднимая стройные ноги и ставя их осторожно, словно ощупывая землю. Жизнь давно научила её этой походке. Она держалась близко к верблюжонку, каждый раз, опуская голову, дотрагивалась и нежно, ласково обнюхивала его. Ходила она плавно, несмотря на слепоту, и издали казалось, что за маленьким верблюжонком плывет белое невесомое облако. Всё позднее возвращались стада в аулы.

И Мырзагали видел, что аруана стала меняться. По утрам была она по утопанной земле передней ногой, всхрапывала, шумно вбирая полной грудью воздух. Нетерпеливо и строго подзывала она теперь верблюжонка и трогала с места первая. Лишь у железной дороги верблюжонок выходил вперед и вел её на пастбище. И старик, хорошо знающий повадки белой верблюдицы, с тревогой смотрел на нее, пытаясь отгадать её мысли. И пришел этот час. Верблюды паслись, приближаясь понемногу к речке Сагиз, на берегах которой трава была еще сочной. Далеко позади виднелись серебристые резервуары промысла Макат, нефтяные вышки. Верблюды ушли верст за пятнадцать, как обычно.

В полдень с юга ударил горячий тугой ветер, и разбежались по степи легкие шары перекасти-поля. Завертелись желтые кривые столбики пыли, увлекая за собой сухую траву и горькую соленую пудру. Вздогнула аруана, будто ударили её камчой, застыла на гребне холма, двигая губами. Это был ветер страны причудливых гор, которую она помнила. У моря, у Меловых гор, рождается такой ветер. Горы наполняются странными тихими звуками и как бы устремляются ввысь, выпрямляясь, вытягиваясь, и становятся еще неприступнее. Белый сухой туман заполняет ущелье и, медленно колыхаясь, заволакивает скалы. А звуки, словно разноцветные ручьи, делаются всё сильнее, всё необычнее, и эхо множит их. Тесно становится этой музыке меж светящихся скал, и она устремляется на север, в степи, и каждая скала всё громче, мощнее вплетает свой голос в эту струю. Она течет, разливаясь по безбрежному простору, заставляя разноголосо петь желтые пески, вбирая в себя все запахи степи, накаляясь на такырах.

Трепетно замирают чуткие сайгаки, поводя ушами и обнюхивая этот звучный сухой ветер, и бегут на север, от солнца, опустив голову в короткие тени свои; прячутся птицы в траву; тревожно оглядывая мерцающее небо, пастухи гонят стада поближе к колодцам. Суховой надолго приходит из Мангыстау...

Подошел светло-серый верблюжонок, ткнул носом в затвердевшие ноги матери, встал рядом, прижавшись к её боку. Аруана повернула голову, нашла его и обнюхала. Далекие родные белые горы, объятые белым, как молоко, туманом, звали её. Она нежно проворчала, верблюжонок отозвался и послушно двинулся за ней. Уверенно спустилась она с холма и обошла стадо.

Речку переходила трудно. Верблюжонок боялся воды, и она повела его, всё время подталкивая сзади. Но за рекой аруана отряхнулась и пошла с места широким, летящим шагом. И верблюжонок побежал за ней, то отставая, то догоняя, никак не приноровясь к необычному ровному ритму её бега. Напрасно звал он мать, боясь, что она забудется: мать не останавливалась, и он, как привязанный, бежал и бежал за ней.

Порывами налетал суховей, и пот белой накипью соли оседал на груди, животе аруаны. Она уходила в степь дальше, растворяясь в знойном мареве...

– Нет, не привыкнет она к нашим местам, – выдохнул Шолак, откидываясь в седле. Мырзагали хмуро кивнул, вглядываясь в степь. Под ним был соловый низкорослый конь.

Кони кружили на вершине кургана, поводя мокрыми блестящими боками. Уже полдня скакали Мырзагали и Шолак, стараясь засветло напасть на след аруаны. Прождав всю ночь, Мырзагали понял, что аруана не вернется. Сагингали был в Шенгельды, и он обратился за помощью к Шолаку, который быстро нашел лошадей.

Мырзагали поднял руку: ему показалось, что вдалеке мелькнуло что-то белое. Всадники поскакали дальше. Солнце медленно катилось по небу, в синем тумане тонули степные дали, одинокий жаворонок тянул незатейливую песню над всадниками, погоняющими лошадей. Остались позади шумные аулы нефтепромысла Кульсары, колхозные стада. Всадники не задерживались, зная, что аруана обошла всё это стороной. Они увидели её неожиданно верстах в трех впереди, за полосой оврагов. Придержали взмыленных коней.

– Нечего скакать сломя голову за слепой, – сказал Шолак, – догоним и так.

Мырзагали промолчал. Шолак подъехал к нему вплотную:

– Говорят, с третьего побега шалкуйрука не вернешь. Но, видно, не всегда так получается. – Потом улыбнулся, слегка наклонился к Мырзагали. – Догнали мы все-таки её...

Мырзагали молча кивнул. Он думал сейчас о том, что ему трудно будет вести аруану обратно. Вспомнил, как она убежала глупым верблюжонком, потом двухлетней, догнать которую было нелегко, и как он плакал, обняв её за шею. Он знал, что привязался к аруане сильно и не сможет расстаться с ней. И, как всегда, когда он вспоминал о прошлом и думал о своей жизни, он почувствовал себя слабым и беспомощным. В одури летнего дня послушно ехал он за Шолаком, уверенно сидящим на гнедом иноходце. От жары и усталости кружилась голова, и мысли путались...

А верблюдица почувствовала погоню. Отодвинула с пути верблюжонка, старавшегося остановить её, рванулась вперед. Верблюжонок обежал её и попытался остановить снова, завернуть назад, но мать легким толчком отбросила его в сторону. Ослабевший верблюжонок еле удержался на ногах. Мать снова стремительно уходила дальше, он хрипло, сорвавшимся голосом позвал её и из последних сил устремился вдогонку.

Подоспела солонча с извилистым крутым берегом, но слепая верблюдица прошла её, как будто ходила здесь каждый день. Неизвестно, что помогало ей безошибочно выбирать дорогу. То ли долгими месяцами вязала она в памяти этот кратчайший, но опасный путь через солончаковые озера, то ли вел её могучий инстинкт. Она мчалась, и бег её по-прежнему был стремителен и красив. Отставая всё больше, бежал за матерью верблюжонок.

Мырзагали и Шолак одолели солончу, когда на следующем затяжном спуске, поросшем кустами жантака, аруана неожиданно споткнулась и грохнулась оземь. Слева от неё тянулся глубокий узкий овраг, словно трещина, со старой затравевшей дорогой на кромке. Пока поднималась аруана, подбежал верблюжонок, прилип к ней. Он не давал ей двинуться, а сзади раздавался настагающий топот копыт. Мгновение длилась борьба аруаны с собой: она схватила верблюжонка зубами за шею, приподняла, отшвырнула прочь. Отчаянно, по-бабьи заголосил Мырзагали, видя, что аруана ошиблась, взяла влево. Пригнулся, погнал коня наперерез, стремясь перехватить её. Но аруана уже повисла в воздухе, перебирая ногами. Безвзвучно и легко, словно всё еще продолжая бег, она исчезла в глубоком овраге.

Вскочил на ноги верблюжонок, скуля, пробежал немного – не увидел мать, остановился, завертелся вокруг. Шолак проскакал мимо обвалившейся под аруаной сурочьей норы к самому краю оврага, неловко, боком сполз на землю. Обернувшись к Мырзагали, придержавшему коня, он поднял руку и что-то прокричал. Мырзагали не ответил. Казалось, он не видел и не слышал Шолака. Он сидел неподвижно, крепко уцепившись пальцами за луку, словно боясь выпасть из седла. Но когда Шолак вынул из кармана нож и нырнул вниз, Мырзагали закричал, задергался, слабо и нелепо взмахнул камчой. Усталый конь, понимая, что старик не способен на большее, сделал два шага и остановился.

Пылало солнце. Над степью, словно наводнение, плыл суховой, ровно и широко, выбирая последнюю влагу оврагов, сжигая травы. Поводя сухими горячими боками, понуро стоял соловый конь, и плакал старик, уткнув лицо в гриву и обхватив худыми руками шею коня. Он плакал долго, прежде чем пришло облегчение. Верблюжонок ушел к оврагу и бродил теперь вдоль него. Он слышал запах матери и тихо, растерянно звал её. Из-за холма выскочил небольшой сноп желтой пыли, пробежал и упал на дороге. Следом появился другой, пронесся по низинам, расширяясь, быстро удлиняясь вверх, и, отяжелев, медленно проплыл мимо старика.

Старик сидел, сгорбившись, опираясь руками о колени, и глядел куда-то в степь. Подошел верблюжонок. Старик обернулся на его голос и понял, что надо как можно быстрее добраться до колодца. Он вздохнул, медленно провел ладонью по опухшему лицу. Огляделся вокруг. Стояла тишина. Далеко слева тянулись к небу бурые султаны дыма: горели травы. Было душно. Конь забил хвостом, отгоняя мух, потом ударил копытом себя по брюху и замер снова. «Солнце уже высоко», – устало подумал старик и представил долгий обратный путь. Потом стал вспоминать аулы, лежащие за спиной, и медленно, стараясь не ошибиться, выбрал из них ближайший.

Соловый конь и светло-серый верблюжонок двинулись назад одновременно. Из-под ног коня взлетел жаворонок, упал на траву и, громко вереща, забился перед ними, бросаясь в сторону и возвращаясь. Мырзагали усмехнулся, придержал коня и повернул на тропу.

– После колодца мы пойдем напрямик, – сказал он, – и будем идти всю ночь. Главное – первый колодец, потом будет легче...

Они ушли уже далеко и были по другую сторону солончи, когда сзади раздался приглушенный, будто из-под земли, крик Шолака. Мырзагали не обернулся. «Надо идти быстро и потому, что Асима не будет спать, – думал он. – Она не будет спать, пока мы не вернемся».

Впереди, раскачиваясь на длинных прямых ногах и спотыкаясь, шел верблюжонок. Он тонко и жалобно плакал и оглядывался вокруг, еще не понимая, что навсегда потерял мать. Он шел послушно перед конем, потому что впереди лежала его родина, лежал аул, где он родился, и куда он будет убегать отовсюду, как и мать, которая всю жизнь добиралась до Мангыстау.